

ЦЕНА 15 КОП.

К 556

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРОКОДИЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) „ПРАВДА“

Рис. М. Хратковского

Крайком металлистов отобрал за прогулы у Ижевского завода почетное красное знамя.

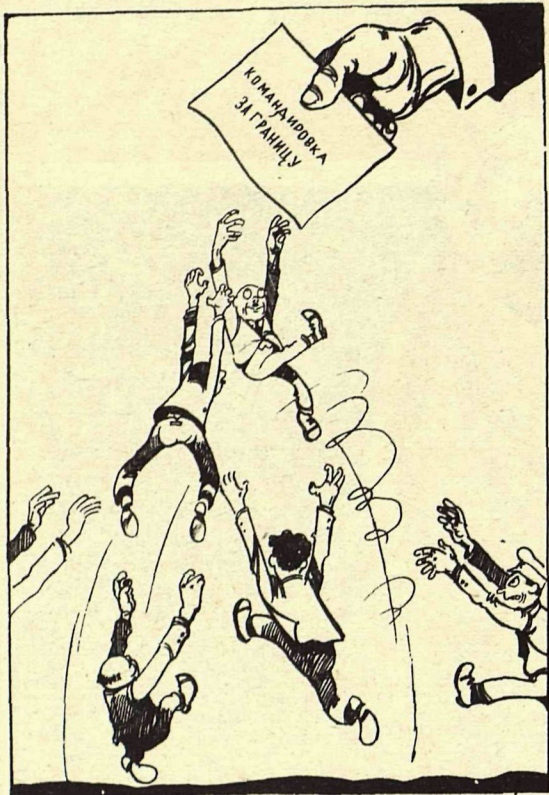
ДЕВЯТЫЙ ГОД
НОМЕР 14
М А Й 1930
МОСКВА

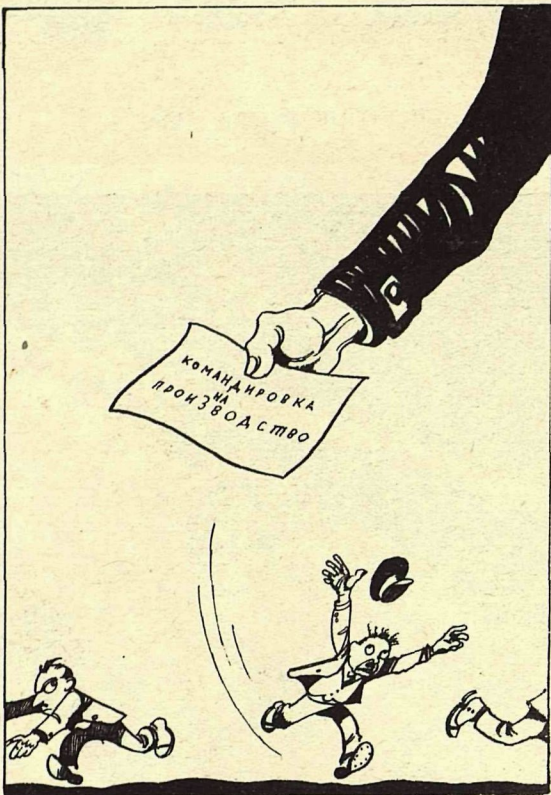
ЗАПАЧКАННОЕ ЗНАМЯ

Пятна, которые необходимо смыть!

Рис. М. Храпковского

Любит...

не любит...

РАЗ'ЯСНИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

ВЧЕРА пришел ко мне в помещение ячейки Сергей Петрович Гаврилов — токарь, беспартийный. Пришел, мнется в дверях.

— Извиняюсь, — говорит, — надо бы поговорить, но ты, конечно, занят в эти дни по горло и даже выше...

— Это верно, — говорю, — все мы, действительно, перегружены, но при чем же тут „эти дни“? Какие такие дни?

— А пред'ездовские! Всякая подготовительная работа, небось... Проверка, так сказать, своей классовой боеспособности, выполнения генеральной линии и прочее. Мы, небось, тоже газеты читаем и знакомимся с директивами!

Тогда я ему раз'яснил:

— Нашей ячейке, дорогой товарищ, проверять себя не приходится. Никаких загибов у нас нет и уклонов тоже не наблюдается. Линию мы ведем твердо. Разбуди ты любого из нас среди ночи, — и он сразу тебе скажет, что такое есть главная опасность на данном этапе, а также почему нельзя ослаблять борьбу с левыми загибами. Сынишка мой, шести лет, оголец, и тот уж выучил про это наизусть! Так что ты всякие свои неуместные намеки и экивоки оставь, а говори прямо, за каким делом пришел.

Мнется.

— Дело-то, — говорит, — такое... Хотелось бы, конечно, по душам поговорить, да как-то неловко...

Однако же разговорился. Выложил. И всего дела-то оказалось на пару пустяков.

Токаря по металлу нынче в спросе. И вот ему, Сергею Петровичу Гаврилову, предлагают в другом месте условия малость получше наших. А так как у нас

в токарях тоже нехватка, то администрация, конечно, не желает его отпускать ни под каким видом.

Выложив мне всю эту историю, он и спрашивает:

— Как же ты теперь посоветуешь? На скандал итти, чтоб дезертира труда приклеили, — неохота... А оставаться тоже расчета нет: промфинплан — промфинпланом, но зачем же мне все-таки свое терять?

Выслушал я его, обдумал все это и сказал:

— Ну, молодец, что к партийному товарищу обратился! Никто, конечно, лучше меня не проведет с тобой раз'яснительной работы в этом направлении. А раз'яснение тут простое. Мой тебе совет: бузы никакой не затирай и на скандал не лезь...

— Остаться, значит? — спрашивает.

— Да постой! — говорю. — Не заставляю я тебя оставаться. Дело-то тут проще выведенного яйца, чудак! Ты вот что устрой: прогулай без уважительных причин дня четыре. — вот и вынуждены будут уволить тебя согласно КЗОТ и колдоговора... Тихо-мирно и никакого скандала. Сообразил?

Сообразил он быстро. И пошел было. Но я его на минутку остановил.

— Подожди, — говорю. — Все это я тебе раз'яснил, снисходя только к тому, что все-таки ты приходишься мне шурином. В противном случае и разговаривать бы не стал после твоих беспартийных намеков на какую-то проверку наших рядов. Заруби ты на своем беспартийном носу: в нашей ячейке, при моем руководстве, ни загибов ни правых уклонов нет и не может быть! Понял? Ступай теперь...

Никита Крышкин.

МИРНЫЕ СОВЕТЫ

САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Я БЕСПАРТИЕН сорок лет,
Но, рассуждать умея здраво,
Партийцам дельный дать совет
Беспорное имею право:
По воспитанью, по уму
Я выше многих, а не ниже...
Совет мой сводится к тому,
Чтоб „тех же щей вливать пожиже“.
Товарищи большевики,
У вас ужасно тон не гибок
И грубы ваши ярлыки
При констатации ошибок!
„Оппортунизм“, „уклон“, „загиб“,
„Головотяпы“, „паникеры“..
Ах, неужели не могли б
Помягче вы найти укору?..
Взять, например, такой бы тон:
„Товарищ Икс — честнейших правил;
Известен искренностью он
И уважать себя заставил.
Велик багаж его трудов,
Велик размах его работы!
Уклоны? Никаких следов!
Ошибки? Просто... недочеты!
Загиб?... Ну, что ж... Ну, допустил
Процентов на десять, — не на сто!..
А если что-то извратил,
То кое в чем и прав был часто!“
Товарищи большевики,
Такой бы тон весьма был кстати:
Он придержал бы языки
И самокритику в печати..
Все споры свел бы он „на-нет“,
Смягчил бы много обострений..
Я дельный вам даю совет, —
Прошу принять его без прений!

★

Я кончил и прочел жене
То, что написано мной было..
Она сказала с чувством мне:
„Савелий, это очень мило!
Твоя идея высока..
В тебе, скажу без комплиментов,
Ни грамма нет большевика,
Но примиренда — сто процентов“...

Беспартийный
Савелий Октябрев.

СЛЕДУЮЩИЙ

НОМЕР

„КРОКОДИЛА“

СПЕЦИАЛЬНЫЙ

ПОЖАРНЫЙ

Вычищенные сотрудники нередко получают хороший отзыв о своей работе и тотчас же устраиваются в других учреждениях.

Рис. К. Елисева

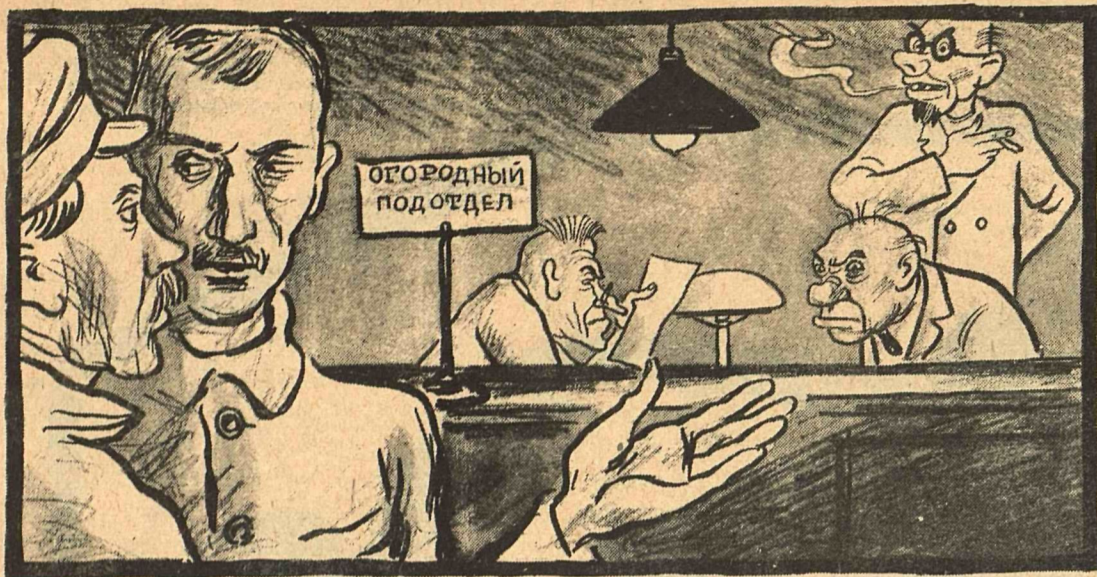
ТОВАРИЩИ РАБКОРЫ-КАРИКАТУРИСТЫ!

В РЕДАКЦИИ журнала „Крокодил“ открыта художественная консультация для рабкоров, желающих научиться рисовать карикатуры.

В консультации принимают участие художники „Крокодила“: тт. Белянин, Ганф, Генч, Елисеев, Ротов, Черемных и Храпковский.

Художники дежурят по понедельникам, средам и пятницам с 4 до 5 час. вечера в помещении редакции (Тверская, 8, 3-й этаж).

Редакция „КРОКОДИЛА“

- Огородных семян и машин мы еще не заготовили.
- А что же у вас есть?
- Пока одни огородные пугала. Вон сидят. По два пугала на га!

О ПЯТИ БОЛТАХ

Ударник Петров постараться готов,
В бригаду вступил не для виду,—
Он в первой же смене пять лишних болтов
Сверх нормы сработал и выдал.

Прирост—небольшой, но болты нам нужны.
И этот петровский пяточек,
Помноженный в массах рабочей страны,—
Гигантского роста источник.

Глядишь, где-нибудь у пяти тракторов
Болтов, как на грех, нехватало.
Болтишко воткнули—и трактор здоров.
А пять тракторов—ведь не мало!

Довольно примеров. Понятно и так.
Боюсь я, что скажет читатель:
— Болты—надо делать! Болтать о болтах—
Не дело, любезный приятель!

Ну, словом, Петрову и честь и хвала.
Не будем мешать ему, братцы...
Все это—лишь сказка только была,—
Пора и до сказки добраться.

А сказка—про белого вышла бычка.
Болты уложили,—и нигом
Десятки людей без очков и в очках
Пошли проводить их по книгам.

Петровский ударный, сверхсметный пяток
К ударным попал счетоводам,—
Они выясняли ударный итог
Ударной работы завода.

Защелкали бешено косточки счет,
Ища показателей точных.
Потребовал тонкий и долгий расчет
Семнадцать часов сверхурочных.

Семнадцать часов плюс пятерка болтов,
Спустившись в отдел калькуляций,
Запрыгали вместе на пачках листов,
Десятки плодя комбинаций.

Не зря при заводе живет статбюро,
Не зря при бюро есть статистик,—
Статистик, тончайшее взявши перо,
Берет аккуратнейший листик.

Средь вихрей процентов, полей и корней
Другому бы—потом облитаться,
А этот—сидит и, машины точней,
Чертит за таблицей таблицу.

Одни лишь поэты «болты» и «цветы»
В стихах сопрягают для рифмы,—
А этот спокойно людей и болты
Совместно сует в логарифмы.

Глядишь—и открыть не осмелишься рта,
Напуган его чудесами:
Три целых ноль три человеко-болта
Сплелась с человеко-часами!

И вот статистический кончен расчет.
Таблица в четыре аршина
Десятками цифр указала приплод—
Приплод человеко-машин.

Таблицу десятки различнейших лиц
Читают, от скуки зевая,
И шают в учрежденье, где сотни таблиц
Пудами в шкафах загнивают.

Пятерка болтов, как таинственный шифр,
Лишенный житейского смысла,
На стенах завода букашками цифр
Спустила две недели повисла.

Петров, на таблицу взглянув, сказал:
— Сам чорт ногу сломит, ребята!
И не разглядели Петрова глаза
Болтов, им рожденных когда-то...

Окончена сказка. Скажу наперед,
Дабы не обидеть учетный народ:
— Я вовсе не против учета!
Но пусть не с'едает работу учет,
Учет—для работы, не наоборот,
Как думает часто иной счетовод:
— Учет, мол, важнее работы!
Считать хорошо, засчитаться—беда:
Сквозь цифры не видно заводов.
Пугает меня, что на биржах труда
Нигде не найдешь счетоводов.
Конечно, везде у нас нынче размах,
Но снова повторим мы строчку:
— Болты—надо делать! Болтать о болтах
Не дело, товарищи! Точка.

Вас. Лебедев-Кумач.

Я ЕЩЕ совсем недавно вел сравнительно тихий, оседлый образ жизни. Аккуратно ходил на работу, изучал и совершенствовал свое производство, редактировал стенгазету, вел кружок, работал в райкоме, обучал десяток неграмотных и усердно читал хорошие, умные книги.

Словом, был полезным гражданином и ценным работником.

Но в какой-нибудь один месяц все полетело прахом. Я стал элементом антиобщественным и паразитическим. Продукции от меня, как от козла молока!

Погубил меня тов. Шекалов.

Надо сказать, характер у меня слабый по наследству. Дед — безвольный пьяница. Отец тоже любил урезать муху. А я с детства легко поддавался дурному влиянию сверстников.

Затеваюсь, бывало, какая-нибудь гадость. Противно, мерзко, а отказаться совестно. Неудобно, видите ли, блистать добродетелью. Да и в пороке самом, казалось, есть какое-то молодечество, удаль...

С Шекаловым я не видался лет восемь. Он меня сразу ошеломил.

— Закис, ты, братец, оболотился, погряз в мелком дедачестве. Позор! Разве это работа! Где ширь? Где размах? Тьфу!

И не дав мне опомниться, вовлек и кооптировал меня в семь различных, неведомо зачем созданных комиссий.

— Работай! Стыдно, брат, крохоборствовать.

Не успел я разинуть рот для возражения, как меня в трех комиссиях выбрали председателем, в двух — ответственным секретарем и в одной — членом президиума.

Комиссии вскоре распочковались на подкомиссии. Образовалось их десятка четыре, и я вошел в каждую из них. Но это было только начало.

Члены комиссий, оказывается, состояли одновременно в десятках других не менее ненужных комиссий, щедро рассыпанных по городу.

Не успевал я пожать чьей-нибудь руки при знакомстве, как моментально новый знакомый кооптировал меня во все свои комиссии.

Среди этих комиссионных людей существовал, очевидно, обычай особого гостеприимства — вовлекать всех знакомых в свои комиссии. Я не оказывал должного сопротивления и, конечно, погиб. Все завертелось. Я стал с утра до ночи летать по заседаниям. Забросил работу и полезную общественную деятельность. Вся моя продукция свелась к тому, что я ежедневно заслушивал и утверждал десятки протоколов предыдущего заседания и принимал посылное участие в словоизвержении.

Присмотревшись к людям, охваченным горячей заседаний, я увидел, что эти несчастные не были приспособлены ни к какому честному труду как физическому, так и умственному.

Это были просто трепачи и балаболки. Они больше всего на свете боялись, что их заставят сделать какое-нибудь конкретное дело.

Они избрали своей специальностью обалтывать всякое начинание и заводить его в словесные дебри деклараций и постановлений о расширении, углублении и проработке.

Грохот водопадов красноречия и горы протоколов давали полную иллюзию кипучей деятельности.

Заседательский водоворот явно засасывал меня. Я пробовал взывать о милосердии:

— Пощадите, добрые люди! Мне нужно ликвидировать десять неграмотных! Нужно выпускать газету! Выполнять промфинплан! Отпустите поработать!

Каждый раз презрительный хохот восьмидесяти комиссий раздавался в ответ:

— Ха-ха-ха! Мелкий деляга! Широкою общественность хочет променять на крохоборчество! Позор!

И я, по слабости характера, оставался. Стыдно признаться — я до сих пор не могу уйти от трепачей.

Кручусь по бесплодным заседаниям комиссий. Проклинаю трепачей и балаболок, выдумавших эти комиссии, чтобы спрятаться от продуктивной работы. И мечтаю:

— Когда же, наконец, я снова займусь честным трудом и общественной деятельностью? Кто же мне поможет выбраться из беды?

Б. Самсонов.

ДОМ НОМЕР ТРИНАДЦАТЬ

СЕЛО Соль-Илецк, Оренбургского округа, Средневожской области. Улица Почтовая, дом № 13. Дом, может быть, надолго останется под номером тринадцатым, а улицу, говорят, скоро переименуют. И будет она улицей имени товарища Глазунова, того самого, который живет в доме № 13 и работает в райкоме заведующим АПО.

Но пока этого еще нет. Соль-илецкие граждане в большинстве своем безразлично относятся к дому номер тринадцать. Разве только кто-нибудь из работников райкома, проходя мимо, улыбнется, словно вспомнит что-нибудь забавное, да возглавляющие промкомбинат товарищи скажут:

— Вот здесь и вся чудасия! — и укажут на дом № 13.

Среди работников просвещения дом № 13 пользуется славой неважной. Конечно, работники просвещения — просвещенные работники, проходят мимо этого дома — не крестятся, не плюют через левое плечо и «чур-чур меня» не говорят. Но — шарахаются. И разговор уже другой, чем у промкомбинатчиков:

— Вот здесь...

— Да. Прямо из петли вынули...

— Хорошо, что вынули-то...

— А что ж хорошего? Все равно, опять загонит в петлю, — больше-то и деваться некуда...

И проходят быстро, быстро...

Чем же знаменит дом № 13? Неужели и в наше время есть еще граждане, которые считают число 13 роковым, несчастным, неудачным? Или еще какие-нибудь внутренние черты отмечают дом 13 по Почтовой улице от всех других домов как по той же улице, так и по прочим?

Прежде всего в этом доме живет зав. АПО райкома, товарищ Глазунов с супругой. Супруга вождя районного масштаба старается не быть отсталой. Правда, она ничего не читает, не занимается общественной работой. Но зато она носит красные шляпы и густо красит губы.

Не одна эта чета занимает дом. К несчастью и к сожалению, в этом же доме живут еще семьи: одна учительница-комсомолка с ребенком трехлетним и нянькой, еще одна учительница с детьми и машинистка.

Утро в квартире начинается кротко и безропотно: тихо, тихо встают учительницы и машинистка, шопотом говорят няньке и домработнице, что и когда надо сделать, и стремятся незамеченными выскочить из квартиры. Но приоткрывается дверь в комнаты Глазуновых, высовывается голова самого, и слышится его же собственный глас:

— Опять, черти, с утра шум поднимают! Я вам покажу, как жене не давать спать! Я вас выучу!

Вскоре товарищ Глазунов встает и приказывает чужой домработнице ста-

вить чайник, выносить ведро и выполнять прочие мелкие обязанности. Протестов не может быть:

— С кем разговариваешь? С кем дело имеешь? Почему за моей собакой не убрала?! Сволочь!

Потом поднимается и сама Глазунова. Эта — поостроже, с этой вообще не поговоришь. Чуть возражение, — слова летят всякие, а потом — крик официальный:

— Глазунов! Тут твою жену оскорбляют, а ты где?!

Выходит Глазунов и наводит порядок. Потом уходит в АПО. В квартире, если не считать рева детей, награжденных от многолюбивой Глазуновицы щипками и подзатыльниками, — тихо. Супруга товарища Глазунова одевается, подкрашивается и готовится к новому, решительному бою. Бой начинается сразу, как только возвращаются домой с работы и учительницы и машинистка.

Возвратившиеся копошатся вокруг примусов, готовят обед. Глазунова, опытным взором полководца окинув поле сражения, выпускает в качестве разведчика и застрельщика собачку. Собачка прокрадывается к чьей-нибудь пицце, хватает и радостно тащит к себе.

— У, негодная! — с отчаянием в голосе, но и со страхом, шепчет потерпевшая.

— Это кто — негодная? — высовывается Глазунова: — про кого это такое слово, шлоха?

Можно отвечать, можно и молчать, все равно! Военные действия открываются быстро и решительно: все, что можно, превращается в огнестрельное оружие — кочерга, сковородка, полено... Затем — зола в глаза. В это время легкая кавалерия в лице собаки, заливаясь пронзительным лаем, пронырливо, уверенно и злобно рвет чулки и ноги взрослым и детям. Наконец, выступает тяжелая артиллерия — сам Глазунов:

— Ты что же это, чортова комсомолка? Да я тебя в бараний рог!

Дети с синяками и шишками, матери — с царапинами и ссадинами, домработница и нянька, полуслепые от злой золы, — все скрываются. Поле битвы за Глазуновыми.

А наутро — все сначала. Пробовали жаловаться, пробовали искать суда или защиты. Но, взирая на лица, соль-илецкие товарищи не слушают беспартийную бражку...

Недавно учительницу-комсомолку еле спасли, — покушалась на самоубийство. Удалось спасти. Сердобольные знакомые советуют ей сменить квартиру. Но кто же из соль-илецких смертных решится на мену? Кому охота пойти на безумный подвиг — жить в соседстве со стопроцентной мешанкой и находящимся под ее крепким каблуком мужем-партийцем?

Вл. Повлов.

КНИГА ВМЕСТО ВОДКИ

— До чего книги дороги, — прямо приступу нет! Хожу вокруг киоска и мучаюсь, хожу и мучаюсь... Вот бы деньжонок найти!

— Все книги скупил бы?

— Нет, где уж... Хоть выпил бы с горя!

О МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРЕННЕМ

(Отрывок из доклада)

«...Несколько слов по поводу так называемого «неверия в строительство социализма в одной стране». Не скрою, есть такие господа, которые все еще не верят или упрямо притворяются неверующими. Эти господа рассуждают, как какой-нибудь Троцкий или выживший из ума Каутский. (Шум, волнение). Да, как Троцкий или Каутский, — я не отказываюсь от своих слов и готов повторить их еще раз! Они, эти господа, упрямо закрывают глаза на факты. Днепрострой, Тракторострой, Турксиб ничего им не говорят и ни в чем их не убеждают. Пусть страна советов покрывается новой сетью железных дорог, заводов и фабрик, пусть программы пятилетнего плана выполняются с превышением, пусть продукция промышленности СССР вдвое превысила довоенную, — они, эти господа, ничего этого не хотят знать, ничего этого не хотят понимать и попрежнему, с упрямством социал-демократических ослов, твердят, что большевикам никогда не удастся построить социализм!

С такими настроениями нужно, наконец, покончить! Опасность несравненно грознее и реальнее, господа, чем многие из вас ее представляют! СОЦИАЛИЗМ СТРОИТСЯ НА НАШИХ ГЛАЗАХ И СТРОИТСЯ УСПЕШНО: МЫ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ КРУПНОГО КАПИТАЛА, ПРЕКРАСНО ОТДАЕМ СЕБЕ В ЭТОМ ОТЧЕТ! Еще год, еще два года строительства социализма, — и придется говорить о неизбежном крахе капитализма. Социалистическая зараза распространится по всему миру, и никакие фашисты вместе с социал-демократами всех стран не предотвратят...»

Принято с удовольствием радиостанцией «Крокодила».

РАПОРТ

В Дмитрове есть районная база предписание рядом сидящим подчиненным:

«Установить рапорта ст. инструктору, не останавливаясь перед использованием телефона, переписки и т. п.»

«И т. п.», по мнению мл. инструкторов, означает: «и тебя почистят».

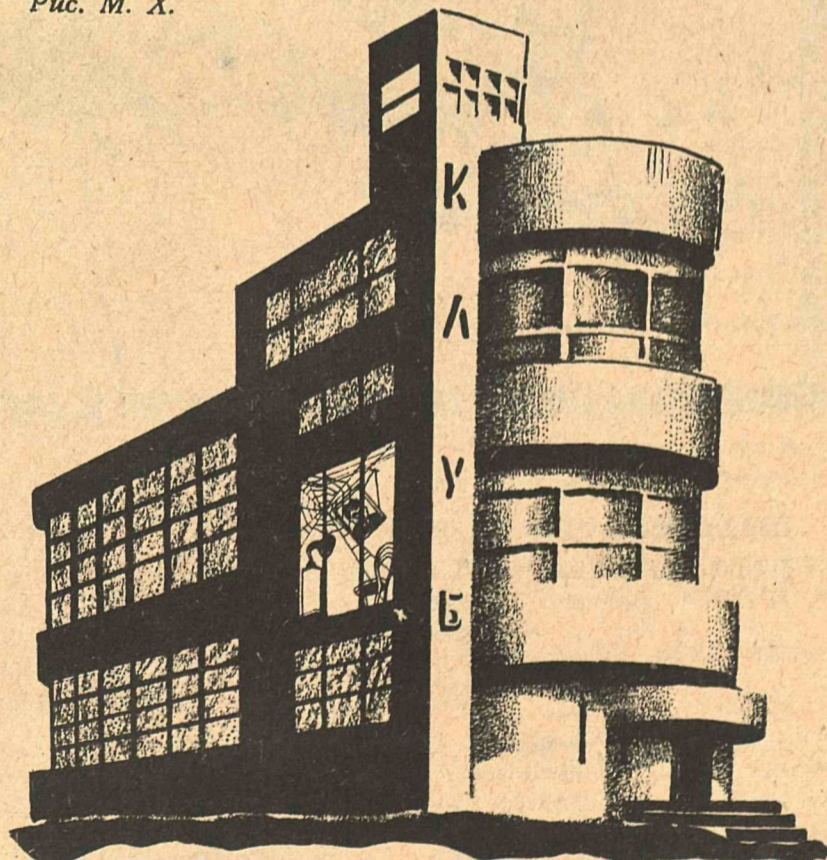
Расшифровка правильна.

О чем и рапортуем ст. инструктору Фуфаеву.

А. Стотрацкий.

КЛУБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Рис. М. Х.

Фасад — загляденье! Внутри — запустение!

*) Звездочкой отмечен кабинет массовой работы.

Рис. Ю. Ганфа

ПИОНЕРЫ: — Когда же будут выполнены прошлогодние обещания?
ПРОФБЮРОКРАТ: — Как? Разве я и вам клялся?

КНИГА ИСТОРИИ

ТОВАРИЦЕЙ, решивших во что бы то ни стало внести имена в историю, чтобы сохранить их в назидание потомству, очень много.

Мы решили помочь старухе-истории, дабы отвлечь от ее седин совершенно незаслуженные обвинения в бюрократизации и волокитизации исторического аппарата.

Сегодня мы золотым пером по ме-

ловой бумаге вписываем на первой странице «Книги истории» (приятных и неприятных) имя заведующего Самарским горкомхозом:

— Товарищ Шаропов...

Будьте знакомы!.. Сей, отныне исторический, муж издал приказ по Откомхозу за № 30, в котором красным по серому начертать соизволил: ...обращая внимание на это обстоятельство (активность, проявленную

одним из работников. РЕД.) ПРИКАЗЫВАЮ СТАТЬ АКТИВНЫМИ организаторами актива из числа жильцов рабочих и служащих...

Попробуйте теперь не быть активным, ежели начальство приказало...

А хорошо, если бы люди могли еще и уметь по приказу. Особенно это было бы полезно чересчур пылким администраторам.

О СЛИШКОМ ЗДОРОВЫХ РАБОТНИКАХ

ПОСТУПОК, который мы собираемся огласить, особенного ничего не представляет.

Севкавполводсоюз разослал по машинно-тракторным станциям правила по автотранспорту с предложением «немедленно размножить таковые и снабдить оными все автохозяйства станции».

Вот и все.

«Факт мелкий, — не пойдет», как говорят в редакции.

Правда, заниматься размножением и рассылкой правил в самый разгар сева не очень-то приятно. Тем более, что на тракторных станциях не имеется самой важной из всех машин — пишущей. А из канцелярской братии положен по штату всего один делопроизводитель. Правила же как-никак представляют собой объемистую печатную тетрадь в 72 страницы!

Но все же о самом факте не стоит говорить. Дело не в нем. Нас в данном случае интересует тип работников вроде тт. Кочергина и Болезина, сделавших вышеупомянутое предложение вверенным их управлению тракторным станциям.

Тип таких работников распространен чрезвычайно, и о нем следует поговорить.

Чем отличаются в основном тт. Кочергина и Болезина от обыкновенных, заурядных людей?

Они блещут необычайным здоровьем, крепкими нервами и непоколебимостью — качествами, весьма ценными на службе.

Правила они получили из Хлебцентра с предложением довести их до каждого тракториста.

Здоровые сердца их не дрогнули перед трудностями. Сомнение и неуверенность ни на минуту не овладели крепкими головами доблестных работников.

— Предложить к неуклонному исполнению! Пусть переписывают книгу!

Неврастеник и слабохарактерный человек стал бы за то же самое жалованье колебаться, мучительно раздумывать:

— А хорошо ли заваливать станции непосильной канцелярской работой? Не повредит ли это севу? И вообще выполнимо ли?

У него появилась бы бессонница, плохой аппетит, несварение желудка и нехорошие идеи.

Здоровенные же Кочергина и Болезина только презрительно усмехнулись бы над болельщиком.

— В чем дело? Есть бумажка с номером. Ее надо исполнить. И все! Над чем тут размышлять?

Вот почему у Кочергина и Болезина отличнейший безмятежный сон, завидное пищеварение и, главное, самоуверенность, крепкая, как дуб.

У них — величественная осанка. В глазах детская ясность. Их открытые и спокойные лица говорят о честном и неуклонном выполнении служебного долга, о правильном ежедневном стуле. К тому же Кочергина и Болезина трудолюбивы, исполнительны, поведения трезвого и ненахального, самокритической демагогией не занимаются и табель о рангах чтут свято.

— Прекрасные здоровые работники, — скажет простодушный читатель. — Чего же вам еще нужно?

Нам нужно немногого. Мы скромно хотели бы, чтобы здоровые работники типа Кочергина и Болезина немножко поболели. Поболели бы душой не за бумаги, а за живых людей и за живое дело!

Вот и все!

О. Брандт.

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ

В ПОРЯДКЕ самокритики позвольте напрямик и, во-первых, по поводу этой самой самокритики на Ленинском руднике, в Криворожье.

Здесь это — постольку, поскольку. Критикуй по чайной ложке и по рецепту администрации.

Она «норму» знает.

Лучше, говорит, в этом деле невыполнение, чем перевыполнение.

А вот приезжие озорники взяли да изобразили рудничную самокритику в виде послушной собаки на цепочке. А цепочку держит неизвестная, но очень влиятельная рука. И висит этот «символ» до поры до времени в клубе. На белой бумаге, в красках.

Цепочка и собачка. Собачка на цепочке. Цепочка и рука.

— Самокритика у нас в верных руках! — говорят степенные люди на руднике.

— Да!

Вот напечатали рабкоровскую заметку в рудничной стенгазете «Динамит». Смелая заметка: она даже разоблачать осмелилась. Напечатали заметку и — все.

— Это что? — спрашивают прохожие, — камень в воду бросили?

А им на это шепотком:

— Нет, разоблачительную заметку в «Динамите» напечатали!

— А! — зевают прохожие, — ну, это все равно, результат-то один...

— В порядке самокритики заглянемте на производственное совещание. Послушаем прения. Вот оно, где соревнование, — в прениях оно! А на деле?

Вы хотите сказать — на бумаге? Бумага все стерпит. Там разные цифры написаны. Высокие цифры, прямо с... потолка.

Две недели сидела над этими цифрами комиссия из криворожского ОСПС по проверке соревнования, наконец, не выдержала:

— Где, — кричит, — начало того конца, которым кончается начало? Почему невыполнение плюс невыполнение дает триста шестьдесят процентов перевыполнения?

А комиссию успокаивают:

— Зря горячитесь, товарищи. Наши люди здесь ни при чем. Это, сукин сын, арифмометр соврал!..

А тут еще другая комиссия наседает:

— Почему у вас промфинплан не доведен даже до участка?

— «Почему, почему?» В папках зашился. Вот почему. Люди ни при чем. В папках промфинплан зашился. С папок и спрашивайте.

А то шуметь? К чему же? Не любят здесь этого!

И вот еще к примеру:

— Товарищ шахтком, на участке номер два создается новая бригада, ударники так и горят, так и пышат производственным пылом!

— Пышат? — говоришь. Пылом? Производственным?.. Ну, что ж, запиши их в книгу за входящим номером. Какой там номер на очереди?

— Сто сорок седьмой

Рис. Л. Генча

СВИНЬЯ В КАНЦЕЛЯРИИ: — Хотела бы я посмотреть на тех свиней, которые тратят по восемьсот рублей на рыло!

— Ну, и пиши! Которые горящие пылом и так далее, заприходуй!

Ужас как здесь обожают тишину и спокойствие.

Слышим в клубе пение, спрашиваем:

— Это хоровой кружок у вас?

Морщатся:

— Нет, бузотеры!

А то вот еще в порядке самокритики смотрите: дождик идет, а люди поэтому не идут на важное собрание по пятилетке рудника.

Из-за грязи. Из-за липкой, невылазной грязи!

Так, а почему на спектакле в том же клубе, в тот же вечер полно народа?

Уж мы подумали (в порядке самокритики) — не начинать ли здесь собрания со спектаклей?

Иначе липкая рудничная грязь засосет все собрания.

Кстати, о ней — о грязи, в порядке самокритики конечно. Мы думали, что она только пищит под ногами да калоши с ног стаскивает. Но, оказывается, ее и в столовой Церабкоопа на завтрак, обед и ужин отпускают порционно, по пониженной цене. Не щадя своих затрат и потребительского здоровья.

Кстати, и о потребителе. Тихий такой человек. Ему бы селедок да коржиков. Поест, усы утрет и — спать.

В некоторых совхозах на содержание каждой свиной матки истрчено до 800 руб.

— Пусть, дескать, другие беспокойные читают газеты и книжки, а я, ужо, посплю!

И спит, спи-ит, спи-и-ит!

Проснется, кваску хлебного попьет, пожует потребительской колбаски и — спи-и-и-т...

Чем его в этой тишине разбудишь? Такое, знаете ли, дело...

— Это дело надо еще проработать в культкомиссии, согласовать и увязать до тех пор, пока оно окончательно не увязнет! — как говорит рудничный дед Опанас Афанасьевич, родившийся по старому стилю, задолго до самокритики...

Л. Митницкий.

Со стороны некоторых завкомов наблюдается пренебрежительное отношение к попыткам пионеров помочь производству.

Рис Л. Генца

ЗАВКОМЩИК: — Повадились эти пионеры промфинпланом интересоваться. Уж я и конфетками и пирожным пробовал оттянуть — не льстятся.

ОДНОСТОРОННЯЯ ПЕРЕПИСКА

ДОРОГИЕ товарищи с завода «Красный Октябрь»! Вот уже бьют колеса, стуча стальными копытами, вот уже последние дымки выются из мильных сердцу питерских фабричных труб. А я сижу у грустного окна и все еще не могу успокоиться от тех сердечных проводов, которыми вы, дорогие товарищи, наградили меня, как отъезжающего в счет 25.000 на работу в нашу серую деревню.

И то сказать, мы всегда отличались этой крепкой товарищеской смычкой. В ушах у меня гудит еще от гула оркестров, рука болит от бесчисленных сердечных горячих рукопожатий, а в руке той я держу пуговицу — в то время, как меня качали, она оторвалась от штанов из Ленинградодежды и покатила по перрону. До свидания, дорогие товарищи с завода «Красный Октябрь». Пишите, как обещали! Еще раз горячий привет!..

...Уважаемые товарищи с завода «Красный Октябрь». Вот уже месяц, как я на работе в деревне. Работы хватает. Без выходных дней ликвидируем кудачество в общем и целом и организовали повсеместно сев. Только

что-то от вас нет ни строчки! Как дела на родном заводе «Красный Октябрь»? Информировать меня во всех подробных деталях. Адрес мой вам известен. Привет...

...Товарищи завкомцы! Прошло три месяца, как отгремели оркестры при наших проводах. Но от вас ни ответа, ни привета. Чем объяснить это молчание?!!

...Завкомцы «Красного Октября»! Отправляя меня на работу в деревню, вы обещали поддерживать тесную связь, а не прислали и строки!! Что же это все, разговорчики были, слова, пустозвонство?! Ведь я человек, а не очередная кампания. Посылаю конверт с маркой и адресом...

Письма извлек из пыльной папки с надписью «Архив»

Вл. Тоболяков.

Р. С. Для разнообразия читатель вместо адреса «Красный Октябрь» может читать также — завод имени К. Либкнехта, 9-й хлебозавод, фабрика-кухня Выборгского района и «Красный путиловец».

В. Т.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ

Приехал в одно из сел докладчик. Прочитал доклад. Из толпы голос: — Товарищ, прочитай-ка нам статью товарища Сталина «Головокружение от успехов»!

Докладчик прочитал. Из толпы — другой голос: «Прочитай-ка еще раз». Докладчик прочитал еще раз. Из толпы опять голоса. «Прочитай-ка еще раз!»

Докладчик пожал плечами и прочитал еще раз. Из толпы опять голоса:

— Прочитай-ка еще разок!

— Да что вы, товарищи, не поняли, что ли?

— Мы-то давно поняли, да вот хотим, чтобы ты понял!

НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ

КАКОЕ сходство между поездом и раком?..

Странный как будто вопрос! Но если предложить его любому рабочему, возвращающемуся с завода по линии Выкса — Новашено, Моск.-каз. ж. д., то он ответит немедленно:

— Сходство, можно сказать, огромное... И рак и этот поезд любят пятиться назад. Только рак пятится, когда ему заблагорассудится, а поезд — когда начальство прикажет.

Вообще, поезд этот отличается большими странностями и ведет себя чрезвычайно подозрительно.

В центре состава помещается специальный вагон для администрации выксунских заводов Гомза, Рабочих к этому «административному ковчегу» не подпускают на пушечный выстрел.

Вагончик катится обычно почти пустой, и у едущих представителей администрации — как заводской, так и железнодорожной — прямо глаза разбегаются: не знают представители, на какой стол им ноги положить.

Час, предначертанный расписанием, наконец, настает. Все вагоны уже давно набиты рабочими до-отказа, а административное вместилище населено в пределах нормы — то-есть, одной старшей племянницей младшего помощника среднего директора и одним фокстерьером административной тещи.

Раздается звонок. Не вздыхайте облегченно, товарищи читатели!.. На станции Выкса, как и на всякой порядочной станции, звонки давным-давно отменены. Поезда отправляются без звонков... Это звонит телефон...

Причастная к администрации теща забыла дома ошейник фокстерьера. События, конечно, международного масштаба... И паровоз будет, покорно сопя, дожидаться, пока с завода доставят собачий ошейник или какую-нибудь забытую часть административного туалета.

Иногда для разнообразия поезда отправляются во-время.

Но рабочие лица хмурь:

— Не к добру это...

И действительно.

Поезд в этих случаях останавливается на полпути, среди белого или зеленого поля, в зависимости от сезона, и, постояв в раздумьи, начинает тяжело пятиться назад на станцию.

Технический деректор завода, видите ли, опоздал на поезд и, не застав такого на вокзале, очень расстроился. И вот, для приведения начальства в состояние душевного равновесия, поезд немедленно возвращается вспять.

Свежо, как говорится, предание, но верится с трудом. А верить все-таки приходится.

Кто не верит, просим убедиться лично. Милости просим!.. Поезд отправляется ежедневно вне зависимости от погоды, но в строгом соответствии с настроением и душевными переживаниями административно-технического персонала и лиц, имеющих счастье состоять с ними хотя бы в отдаленном родстве.

Ипа.

СУМБУР-БЮРО

ЕСТЬ в Воронеже «Газетное бюро».

Бюро это пользуется заслуженной популярностью по всей ЦЧО. Работа его вызывает чувство единодушного удивления и восхищения. Другие бюро завидуют и пытаются подражать, но куда им! Пусть-ка они попробуют дать своему подписчику вместо одного шесть экземпляров журнала «Счетная мысль», а потом, после длительного перерыва, обрадовать его симпатичным детским журналом «Еж». Надо тоже уметь вместо журнала «Большевик» прислать подписчику журнал «Для хозьяк». А одного гражданина — так бюро прямо осчастливило: аккуратно доставляет ему все издания, выходящие в СССР. Тот, чудак, заявляет: «Я не подписывался». Но у бюро твердый принцип: обратно не брать.

А вот другой гражданин выписал себе журнал «Спилка», а бюро не понравилась «Спилка», и оно стало доставлять ему «Берлинер Тагеблат». Тот туда-сюда, — ничего не выходит. Купил тогда словарь да и выучил немецкий язык. Теперь спасибо

говорит. Да и я говорю спасибо этому бюро. Приходит ко мне как-то писмоносец и спрашивает: «Ваша фамилия Петров?» «Нет, — говорю, — не Петров». «Ну, все равно. Конечно, жаль, что ваша фамилия не Петров, зато у вас симпатичная физиономия: получайте сочинения Александра Васильевича Пушкина».

Оставил и ушел.

А для тех подписчиков, которые в уездах живут, у бюро правило: или получай газеты сразу за три месяца, или ничего не получай.

Под это бюро уж не раз подкапывались, да гайка слаба. Газета местная писала-писала, а потом видит, что дело не выгорит, — бросила. Бригада было налетела, да так там запуталась, — едва выбралась. А чтобы ответственные там разные звонки не беспокоили, в бюро телефон так устроен, что он никогда не работает.

Очень хорошее бюро: стойкое и выдержанное. А называют его «Сумбур-бюро» — по злобе.

В. Сиротинин.

КРОКОДИЛУ НА ЗАКУСКУ

★ Отдел культтоваров Церабсекции запрашивает у ЦРК сведения о числе обслуживаемых детей, с точным подразделением по возрастам.

Уссурийское ТПО запрашивает нас, проводить ли ему по этому поводу детскую перепись и стоит ли тратить на это средства, если заявки ТПО на культтовары Церабсекцией удовлетворяются только на 20%.

— Эх, вы, наивные люди! Пора бы знать, что ответ на высосанные из пальца вопросы берется с потолка.

★ Не менее наивный агроном сидит в Тульчинском окрземоделе. Он добросовестно ответил на длиннейшую анкету о посевной кампании. Заполнил 612 цифр по селениям, по культурам. Из всех этих цифр видно только одно: на 15 апреля посевной план выполнен на 5,1%.

Еще бы! До сева ли районам? Впору бы анкеты заполнять.

★ С ростовского завода «Красный Аксай» сообщают, что в литейно-ковочном цехе полагающиеся по вредности молоко выдается кислым. А охрана труда на заводе есть? Резолюции пишут? От них-то молоко и киснет.

★ Андижанский горсовет (Узбекск. респ.) запретил всякое ездовое движение по главной улице города. Крестьяне принуждены объезжать кругом, по рытвинам, а осенью — по непролазной грязи.

А первомайская комиссия, под председательством зампреда горсовета Егорова, циркулярно предложила всем учреждениям «провести иллюминацию и создать торжественную обстановку в первомайские дни».

До чего, кажется, просто управлять массами? Запретить ходить по мостовым, умываться водой, сморкаться в платок. А взамен предписать всем выражать на лицах восторг и умиление.

Этак-то работать всякий сможет.

А вот по-иному работать, — видать, кишка тонка.

ВИДЫ В БОК

ПОВЫШЕНИЕ РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ

Повышение реальной зарплаты, как знает всякий, зависит от снижения себестоимости. И вот фининспектор Юрьевецкого (Ивановской области) налогового участка Груздев для сотрудников налогового участка добился и повышения и снижения. И притом очень просто: конфискованные у неплательщиков вещи он не пускает в публичную продажу, а распродает сотрудникам по небольшим ценам: письменный стол — за трешку, кровать — за пятерку и так далее. И просто, и хорошо, и мило. Прямо, сказать нам нечего! Разве только пословицу приведем:

— Назвался Груздев, — полезай на виды!

НЕПРЕРЫВКА ДЫБОМ

Слышали ль вы что-нибудь о непрерывке, а если нет, то почему?..

Такой вопрос необходимо задать заведующему страхкассой при Красногорском заводе в Донбассе, судя по вывешенному им объявлению:

Настоящим страхкасса ставит в известность посетителей о том, что в связи с переходом на непрерывную неделю страхпункт будет ЗАКРЫТ в следующие дни: 5, 10, 15, 20, 25 и 30. Кроме указанных дней, страхпункт по случаю выездов по району будет еще ЗАКРЫТ 3, 13 и 23 каждого месяца.

Гораздо легче было перечислить дни, в которые, по случаю перехода на непрерывку, страхпункт будет все-таки открыт...

ПЛАНОВАЯ ПЕРЕВОЗКА

Как вы думаете, товарищи, зачем может пред. рика нарядить двадцать подвод и направить их за семьдесят пять километров в самый разгар посевкампании?

Ах, да! Какой пред. рика? Правильно. Я про товарища Червинского, который председательствует в Зырянском рике, Семипалатинского округа.

За посевматериалом? За хлебом? За сельскохозяйственными машинами?

Не такой он человек, товарищ Червинский, — он послал подводы за хлебным вином!

— Сухо больно для посева, спрыснуть надо бы!

Если хороший семипалатинский окрик не действует на товарища Червинского, — придется, видимо, дикнуть на него во весь Казакстан.

НЕВОЛЬНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ

На фронте Владимирского совета красуется надпись:

«Владимирский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов».

— Позвольте, — спрашивают совет, — а где же «крестьянских»?

— А это, видите ли, у нас тут узкое место: крестьяне-то и не поместились.

— Виноват, а от кого нужно записочку, чтобы крестьянину получить у вас место?

— Ответа не последовало. Очевидно, протекцией придется заниматься Крокодилу.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Фельетон «Из записной книжки повара» в № 9 «Крокодила» в части, касающейся председателя Льговского окрисполкома т. Шуб, по выяснению, оказался не соответствующим действительности, и редакция в данном случае была введена в заблуждение корреспондентом.

Приведенная в фельетоне записка характеризует лишь работу Льговского торговца, а т. Шуб никакого отношения к ней не имеет.

РЕДАКЦИЯ

ПО ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫМ УХАБАМ

ОСТОРОЖНЕЕ С ЦИФРАМИ

Когда составители всевозможных проектов и планов берут цифры с потолка, результаты обычно получаются самые плачевные. Не менее плачевные результаты получаются и тогда, когда редакция газеты или журнала помещает взятые с потолка цифры под видом серьезного материала.

В номере четвертом журнала «Радио всем» на 104-й странице указано, что Эдисон, родившийся в 1847 году, построил первый электролокомотив в 1830 году.

Попробуйте — ка определить возраст Эдисона во время постройки этого электровоза.

В газете «Известия» № 58 (3905), в заметке «Как царская полиция охотилась за т. Ворошиловым», сказано, что 26-летний тов. Ворошилов был ростом — 2 арш. и 51,2 вершка.

Интересно, какой рост имеет сейчас тов. Ворошилов, после того как революция возвысила его до поста народного комиссара.

«ДОСАДНАЯ ОПЕЧАТКА»

«Звезда Алтая» перестаралась...

В № 70 она печатает крупный заголовок

КИТАЙСКИЕ КОМУНИСТИЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ ЗАХВАТИЛИ ГОР. НАНКИН.

Против такого факта мы бы, конечно, не возражали. Мы возражаем только против плохого знакомства с

географией или, в лучшем случае, против чересчур пылкой фантазии газетных сотрудников.

СЛЫХАЛИ ЗВОН, ДА НЕ ЗНАЮТ, ГДЕ ОН

Эту пословицу буквально можно применить к сотрудникам тобольской газеты «Советский север». В № 24 этой газеты напечатана заметка:

ДОВОЛЬНО ЗВОНИТЬ

В юртах Тукуз, Черноковского района, граждане охотно передали МЕЧЕТЬ под избу-читальню. Они твердо убедились, что колокольный звон, кроме вреда, ничего путного не дает.

Да будет известно сотрудникам «Советского севера», что в мечети никогда колокольного звона нет и не было, так что не стоит поднимать по поводу звона — газетный трезвон.

НЕВОЛЬНАЯ РЕКЛАМА

Краевая татарская газета «Ялкон» еще в феврале опубликовала широко-вещательное объявление:

Я, мулла села Зацарева, Астраханского района и округа, Даутов Сулейман, с июня месяца сего года слагаю сан муллы...

Спешите, мол, которые верующие: только последние два месяца, по желанию почтеннейшей публики...

Товарищи из «Ялкона»! А что, если под влиянием вашей рекламы у муллы увеличатся сборы, и он раздумает?..

Опровержение печатать тогда будете, что ли?..

НЕ УСПЕЛ РАСКАЧАТЬСЯ

Рис. И. Каликина

— Как же это мы так оплошали, товарищи? Везде в ошибках признаются, а я только еще начинаю чувствовать головокружение.

Рис. П. Белянина

— Массу велят вовлекать в работу. Ну-ка, Иван Петрович, сбегай, раскачай.

— Ну, что, раскачались? Теперь расписывайтесь в активности и—марш по домам! Не мешайте работать...

„КРОКОДИЛЬНИК“

Чтобы дать широким читательским массам веселое и полезное развлечение, редакция „Крокодила“ организует разнообразные конкурсы находчивости и остроумия под названием „Крокодилы“.

„Крокодилы“ № 1 состоит из десяти вопросов, на которые каждый желающий может давать ответы, — совершенно бесплатно заостряя, оттачивая и шлифуя свой ум. Лучшие ответы, присланные в редакцию, будут печататься в журнале; наиболее остроумные — будут премированы.

Старые остроты, поговорки, меткие и ходячие слова сменяются новыми или приобретают новый смысл. И в арсеналах остроумия идет чистка. В первой серии „Крокодилы“ мы предлагаем нашим читателям вложить новый, современный смысл в старые, обветшалые слова и поговорки. Ответы на предлагаемые вопросы могут отражать факты и события местной городской, заводской и деревенской жизни, могут затрагивать и вопросы, волнующие всю советскую общественность, и, наконец, могут откликаться на международные дела. Словом, простор для выдумки — огромный.

Остряки-одиночки и организованные остряки, объединяйтесь вокруг „Крокодилы“! Наше время — не время для тупиц. А чтобы не быть тупицей, надо уметь быть острым.

Ждем ответов.

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

1. Что такое — „ни рыба ни мясо“?
2. Где живет „Кузькина мать“?
3. Когда рак свистнет?
4. У кого душа в пятках?
5. Где водятся „турусы на колесах“?
6. Куда Макар телят гоняет?
7. Где чорт ногу сломит?
8. Кому ни тепло ни холодно?
9. Что такое — „ерунда на постном масле“?
10. Кто делает из мухи слона и кто из слона — муху?

Ответы направлять в редакцию „Крокодила“ (Москва, Тверская, 8), с надписью: „Крокодилы № 1“.

Я, ТОВАРИЩИ, прошу занести на черную доску, как позор и язву на теле, тех товарищей, которые срывают ударную работу. А такие есть и их делается все больше и больше, к нашему стыду и позору, как пролетарской семьи.

Но вы не подумайте, что хочу я просто слов наговорить, как оратор, который доказывает сам не знает что. У меня есть на примете срыватели, про которых и прошу опубликовать во всеобщее, чтобы другим неповадно было!

Работаю я на вокзально-ватной фабрике в Серпухове. И есть у нас там же уважаемый товарищ и слесарь Агальцов. Первый человек по ударности, — прямо надо говорить. Конечно, как испытанный человек, он первоначально в разные соревнования не очень-то вязывался, — «без меня большевики обойдутся!»

— Это, — говорит, — дурацкое дело не хитрое: снизил себестоимость, поднял выработку, — подумаешь! Ты умеючи сделай, в том и вся закваска! Я себя в деле покажу!

И, действительно, навернулось дельце — показал. Потребовалось в срочном порядке перенести и установить сушилку отбельного отдела. Ну, Агальцов тут как тут:

— Я!

— Действуй! — говорят, — бери людей и шпарь.

Взял товарищ Агальцов своих ребят, слесарей Сахарова Владимира, Горшкова и Михайлова, приходит до управления и спрашивает:

— Наше дело на мази. А только какая цена будет?

— Цена что ж? Цена — обыкновенная...

— То-есть как так — обыкновенная? За ударную работу да обыкновенную цену? Ударная работа, ей и цена ударная! Меньше как за полторы тысячи и руки марать не будем!

— Да побойтесь вы соревнования! Всей работы-то на десять дней!

— Это уж дело наше. Мы, может быть, по ударной-то работке и в девять закончим!

Бились, торговались, Агальцов шапку об земь, как на базаре, бил, — сговорились за 1.100 рублей.

Ну, взялись по-ударному за ударную цену: в девять дней сделали, на нос по двести семьдесят пять рубликов, то-есть по три червончика за день отхватили!

Ударил один раз, — захотелось и еще двинуть по-ударному. А тут ново аккордная работка подходит — установить блок для трансмиссии в чесальном отделе.

— Я! — говорит Агальцов. — У меня и бригада ударная подобралась: комсомолец Карпов и слесаря Кузин, Гуров и Усков. В два счета сделаем, если по-ударному работать! Ну, конечно, и цена должна быть уж настоящая, ударная цена полагается!

— Какая ж ваша цена?

— Да ведь там на целый день работы, — давай по три червя на нос и все!

Помдиректора ахнул даже и присел, но Агальцов на своем:

— Ударная работа — ударная и цена. У нас и бригада ударная!

— Да она у тебя по рвачеству ударная! — шумит помдиректора.

— Это нам без разницы. Важно, что ударная...

Вот тут-то я к черной доске и подвожу ребят, — записывайте их, вот они, как один:

Помдиректора фабрики товарищ Шелатуров — первый. За ним — мастер-выдвиженец Сидоров (этого крупными буквами надо), подмастер Бахвалов, Горшков слесарь и трое чернорабочих. Вот этих всех и пишете на черную доску за срыв ударной работы. Прямо против ударников пошли:

— Не давай рвачам наживаться, — сами сделаем!

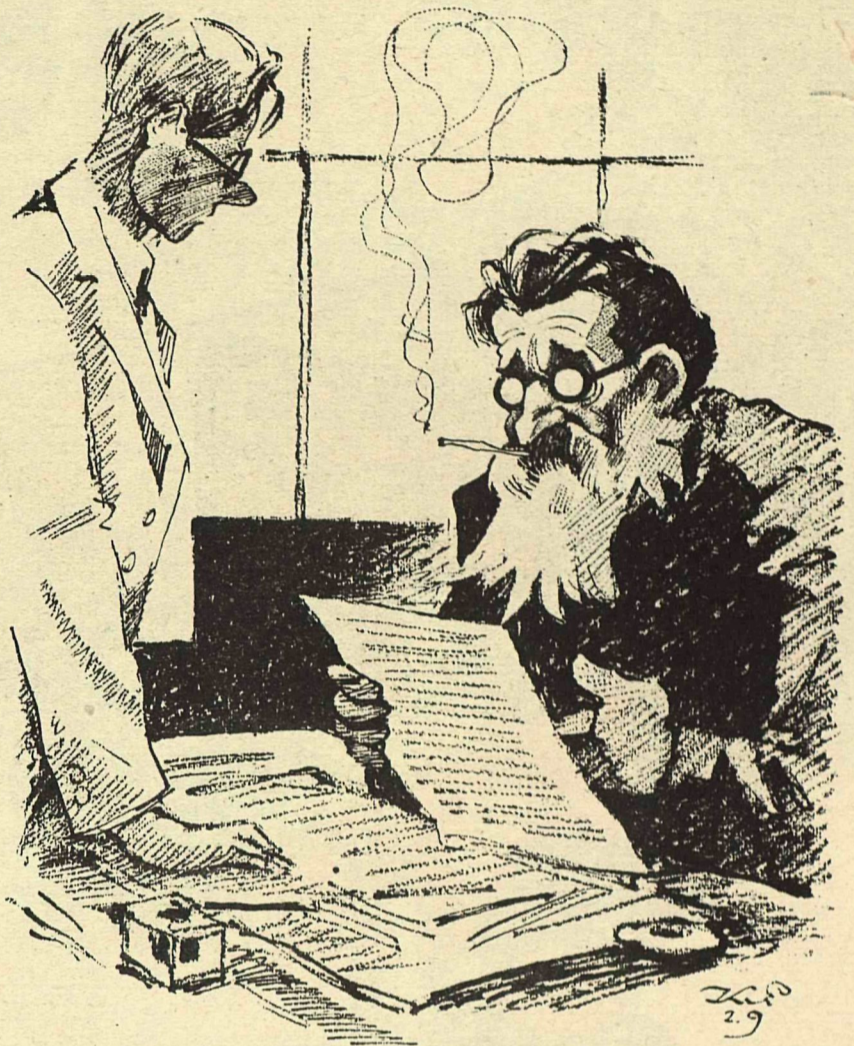
И за семь с половиной часов сделали.

Не обидно было бы, если бы они тоже рванули, хоть по двадцать по пять целковых бы, — не все же Агальцовы! Но ведь они задаром сделали! Всю нашу ударную бригаду насмарку свели!

Потому и прошу всех их на черную доску, как срывающих!

В. П.

Рис. К. Елисева

— Довольно бумажного руководства! Теперь у нас с рабочей массой должен быть прямой Кон-такт!

КРОКОДИЛЬСКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

ПРОПАЛ гр. Петров И. И. Ушел из дому 7 февр. т. г., в 9 ч. утра. Приметы: рост средний, нос обыкновенный, лицо чистое. Родители умоляют сообщить о местопребывании. Ушел он во Дворец труда за инструкциями.

БУХГАЛТЕР, только что вычищенный, предлагает свои услуги солидному учреждению. Имеет отличные рекомендации с места последней службы.

ДВИГАТЕЛЬ в 450 лощ. сил нужен для профоргана.

МЕНЯЮ И СДАЮ одну позицию за другой. Уклонист Колебалов.

ШКОЛА СВИНОГО ХРЮКА

ЭКСТРЕННОЕ совещание правления животноводческого кооператива было в разгаре.

— Так я же не умею, Сидор Григорыч. Ей-богу, не умею.

— В реконструктивный период перестройки нашего социалистического хозяйства советский кооператор обязан уметь все! — строго обрезал председатель правления. — Секретарь, запиши Бизюкова. Кто еще умеет хрюкать?

— Левандов мяукает хорошо.

— Кошки в плане не значатся. Нужен свиной хрюк. Вы, Легонт Митрич, как?

— У его тенорь, товарищ председатель. Под свиным ему несподручно.

— Ничего. Под поросеночка сойдет и тенор.

— Куриная порода не требуется?

— Требуется.

— Ефим Семеныч петуха передразнивает ловко.

— Запишем и Ефима. А ты блеешь? — обратился председатель к упитанной физиономии с синя-малиновым носом.

— Сами знаете. Когда как. Когда лишнее перепеешь, — случается.

— Да я не о том. Блеять по-овечьи, я спрашиваю, можешь?

— Никак нет. С трудом большим коровкой мычу. Овца у меня не в ходу.

— Ну-с, так. Кажется, вся труппа подобрана. Приступим к репетиции. Блинков, хрюкай.

— Хр-р-р-р-р...

— Стой, стой. Загудел, как паровоз. Надо мягче, по-дамски! Хрю-хрю-хрюк-с... Понял?

— Точно так. Хрю-хрю-хрюк-с... Так?

— Вот, вот. Молодец! Ты что, Митяев?

— Я, товарищ председатель, три часа дома готовился на ролю поросычьего писку. Охрип в доску.

— Пройдет. Дать ему десяток сырых яиц. Пусть глотает. А вы, товарищ казначей, извольте-ка пять минут без перерыва кудахтать.

— Ко-ко-куда, ко-ко-куда... ко-ко...

★

— Что за чепуха! — воскликнет читатель. — Где это видано, чтобы социалистических кооператоров поросычьему хрюку учили? Невероятно!

— Совершенно верно, читатель. Невероятно.

— Но... факт.

Вот что мы узнали на чистке аппарата Центросоюза из доклада комиссии по чистке:

— На Центросоюз была возложена задача поставить на откорм 250.000 голов свиней. Эта директива партии не была выполнена, — на откорм поставили только 80.000 голов. Но работники кооперации всячески скрывали невыполнение директивы. И когда в один из районов приехали обследователи, местные кооперативные работники БЫЛИ ПОСАЖЕНЫ ТАЙКОМ В ПУСТОВАВШИЕ СВИНАРНИКИ. ТАМ ОНИ УСИЛЕННО ХРЮКАЛИ, СОЗДАВАЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО СВИНЬИ ЕСТЬ.

★

Они, эти хрюкающие кооператоры, не ошиблись в расчете. Теперь каждому ясно, что свиньи в этом районе на откорме у кооперации имеются.

— И больши-ие свиньи!

А. Каюров.

36

222821

Рис. К. Ротова

Культурному строительству в пятилетнем плане не отведено достаточного места.

19

КР 30

КОНДУКТОР: — Местов нет! Местов нет! Пятилетка не резиновая!